

В ветхой, покосившейся хижине стояла лишь бамбуковая кровать, устланная соломой. Она потемнела от времени и, казалось, поглощала в себя многолетнюю нищету.

На ней лежал старик, выглядевший на шестьдесят с лишним лет. Его волосы были полностью седыми, а время глубоко вырезало морщины на лице.

Он корчился от боли, издавая глухие стоны в полумраке низкого помещения. Сломанная нога не была укрыта одеялом — штанина была просто завязана узлом выше раны, на которой отчетливо виднелись бурые пятна засохшей крови.

— Линь... Линь... Доченька, принеси мне воды, — хрипело просил он. Он не знал, что его голос слишком слаб, чтобы пробиться даже за дверь.

Его губы были иссушены и покрыты толстым слоем омертвевшей кожи, глаза глубоко запали, а тело истощилось до неузнаваемости.

Снаружи внезапно раздались шаги. Глаза старика вспыхнули надеждой: он ждал, не идет ли жена или дети напоить его.

Шаги замерли у двери, и послышался голос:

— Проверь, сдох он там или нет. В такую жару от него невыносимо воняет!

Это была его жена. Он знал, что у нее всегда грубый язык, но не подозревал, что она так ждет его смерти.

— Мама, я боюсь туда входить... Папа лежит там уже два дня. Вдруг что-нибудь случится? Как же страшно! — голос Чжан Лин дрожал. Ей было не по себе, хотя отец всегда относился к ней хорошо.

— Бесплезная ты! Совсем не похожа на меня и твоего отца, зато точь-в-точь в этого мертвеца внутри.

Чжан Шу, лежавший внутри, ничего не понял. Что это значит — «я и твой отец»? И кто этот «мертвец» внутри? Разве они не один и тот же человек?

В следующую секунду загадка разрешилась:

— Он мой дядя, а не папа... — робко возразила девочка, явно опасаясь гнева матери.

— Он твой отец! Слушай меня хорошенько. Сейчас твой старший брат и его жена выбились в люди, а я, твоя мать, раньше так их обижала, что теперь нам живется очень туго! Но они хорошо относятся к семье твоего дяди. К счастью, этот старый воробей скоро помрет, и у тебя останется только один отец, — У Линян посмотрела на покрасневшую от напряжения дочь. — Если ты так хочешь считать его отцом, пожалуйста. Оставайся тут и ухаживай за ним, а я с твоим братом и невесткой будем жить на полную катушку!

— Нет, мама! Я боюсь его, он сейчас такой страшный. Давай зайдем вместе? — умоляла девочка.

Чжан Шу неподвижно уставился в потолок. Лицо его ничего не выражало, тело не шевелилось — он выглядел как мертвец.

Женщина в шелковом платье с вышивкой отворила дверь, и давно забытый солнечный свет

хлынул в темную каморку. Она окинула взглядом старика на кровати, потом себя. Один выглядел на шестьдесят-семьдесят, другая — на сорок-пятьдесят. Разве они были парой?

Как раз пару дней назад ее любовник расхваливал ее, говоря, что она еще в соку. Какое удовольствие мог дать ей этот бездушный и деревянный покойник по сравнению с ним?

Покойник? Улыбка самодовольства застыла на ее лице. Она подняла глаза и ахнула: он лежал с широко распахнутыми глазами, в которых застыла немая укори́зна.

На мгновение ей стало не по себе, но тут же сменяясь радостным волнением. Она шагнула вперед, но девочка судорожно вцепилась в ее рукав:

— Мама... Мама, папа что, умер?

— Ты чего, трусиха! Мертвого чего бояться? — она сверкнула глазами на дочь и велела ей стоять на месте, а сама подошла к кровати.

Не успела она приблизиться, как мужчина, который только что казался бездыханным, внезапно вскочил и набросился на нее, сжимая ее горло руками:

— Тварь! Мерзкая тварь!

Даже будучи слабым и безвольным, узнав о том, что годами носил рога, он не смог сдержать бешенства, толкнувшего его на убийство этой женщины.

Женщина побледнела как полотно от неожиданного нападения — ведь она только что решила, что он мертв. Первичный ужас прошел, но пальцы все сильнее сжимали ей горло, и она почувствовала дыхание смерти.

Она пыталась разжать его руки, но это было невозможно. Девочка же стояла словно оглушенная, дрожа всем телом.

Она, собрав всю волю, выдернула из волос серебряную шпильку и с силой вонзила ее в раненую ногу мужчины.

От нестерпимой боли он взвыл и разжал руки, хватаясь за ногу и катаясь по земле от муки.

У Линян отбежала в угол, перепачкавшись с ног до головы. Теперь она выглядела соответственно своим годам.

Оставлять его в живых сегодня было слишком опасно. Вдруг кто-нибудь проведает об инциденте — тогда и она, и ее любовник не сносить головы.

— Линь, выйди. Мне нужно поговорить с твоим отцом, — сказала она. Какая бы она ни была плохая мать, она не хотела, чтобы дочь видела, как она убивает отца.

Девочка вздрогнула, словно очнувшись от транса. Глянув на решимость в глазах матери и отчаяние в глазах отца, она сделала шаг вперед, но потом, словно опалившись, бросилась к выходу.

Последний луч света погас в глазах мужчины. Он знал, что сегодня ему не выжить.

— Линян, скажи мне правду. Чтобы и в царстве мертвых быть в курсе дела.

Женщина пригладила волосы, отряхнула платье от грязи:

— Чжан Шу, иногда лучше знать меньше. Умри так, а на том свете к Янь-вану с претензиями.

Чжан Шу лежал на земле, нога ныла нестерпимо, но он словно перестал чувствовать боль.

— Ради этой ноги скажи: из пятерых детей сколько моих?

У Линян бросила взгляд на его ногу, и в глазах промелькнуло воспоминание. В тот день огромный пес кидался на нее. У жены старшего сына были деньги, она кормила пса живыми курами, так что его зубы были острыми как бритва. Эта пасть, смердящая сырым мясом, до сих пор стояла перед ее глазами.

И этот бесполезный мужчина бросился под удар, заслонив ее, и пес отгрыз ему полноги.

— Старший твой. Потому я его и не люблю, — выдохнула она и словно облегченно вздохнула.

— А, я так и думал. Я перед старшим виноват, — лицо Чжан Шу осталось бесстрастным. Слишком много чувств бушевало внутри, и он не знал, как их выразить.

Любимая старшая дочь и младшая дочь — не от него. Любимый младший сын — тоже не его. Тот, кем он искренне гордился, тоже не его кровинка. Единственный, кого он годами игнорировал, тот же бездарный и несловесный старший сын, оказался его настоящим продолжателем рода.

Неудивительно, что эта женщина всегда орала, когда жаловалась: «Я для вашего рода Чжан детей нарожала, хоть и без заслуг, но с трудом!» Но она никогда не говорила: «Я для тебя старалась!» Конечно, для рода Чжан!

Его брат, дядя, и их семья — такие хорошие люди, они хорошо относились к его детям. Он искренне радовался, что у него такие родственники!

— Кроме меня, кто еще знал об этом?

У Линян, начав признаваться, решила выложить все:

— Кроме тебя, все знали. Даже твои дедушка с бабушкой. Ты знаешь, они хотели меня выгнать, но я родила для семьи Чжан столько детей, а тогда была беременна еще одним. Они пожалели ребенка, а тебе пришлось пострадать. А ты как думал, почему они к тебе так хорошо относились?

У Линян смотрела на его побледневшее лицо, наслаждаясь чувством мести. Если бы этот слабак не согласился на брак тогда, она бы давно вышла за любимого! И не пришлось бы быть женой этого человека, любя другого и называя его родственником.

Чжан Шу смотрел на ее перекошенное лицо, и сердце его опустилось. Он не знал, что женщина, делившая с ним постель, питала к нему такую ненависть. Какая там «женщина»? После рождения пятого ребенка они больше не спали вместе. А до этого это случалось только когда он был мертвецки пьян. Теперь, вспоминая, он понимал, как много было знаков...

Всю жизнь он прожил трусом, оставив о себе память как о ничтожестве. Жил, не понимая ничего, и только одно желание было теперь у него: пусть в следующей жизни он не будет таким бесполезным.

Он изо всех сил ударился головой о острый угол стены, оборвав свою жизнь под ее крики.

В последнюю секунду ему почудилось, что он вернулся в юность, на холм, усеянный одуванчиками, где за ним шел простой парень и звонко кричал: Брат Шу...

Для других смерть — это конец. Но для Чжан Шу смерть была лишь другим началом.

<http://bllate.org/book/16721/1537220>